

что *церковь безъ епископа не можетъ быть* (Марг. стр. 154, жизнь св. І. Златоуста); Захарій Колыстенскій тоже написалъ, что *церковь никогда не была безъ епископа и быть не можетъ* (Полинадія, гл. 2, разд. 2, арт. 1); Симеонъ Солунскій учить: *кромѣ епископа ниже жертва, ниже іерей, ниже жертвенникъ, ниже мѣро святое, ниже хиротонія, ниже убо христіане, чрезъ нихъ убо истинное христіанство, Христовы чрезъ нихъ вся тайны* (книга І, гл. 77). Изъ этого слѣдуетъ, что вы напрасно думаете, будто въ вашемъ обществѣ 180 лѣтъ правилъ церковь умершій Павелъ Коломенскій; но ваше общество, какъ тогда, пробавляясь бѣглыми попами, не составляло церкви Христовой, — такъ и теперь окармливаясь пастырями отъ бѣлаго греческаго епископа Амвросія, разорвавшаго связь съ св. церковью и чрезъ то потерявшаго благодать епископства, не есть истинная церковь, и вы, австриаки, находитесь въ опасности потерять вѣчное спасеніе, если не обратитесь къ вселенской епископской церкви.

Пасада Дубовки протоіерей **Андрей Флегатовъ.**

6-го іюня 1885 года.

А. Я. Леопольдовъ. (Некрологъ).

Совершенно неожиданно для всѣхъ, 18-го іюля 1885 г., почти внезапно, постигла кончина, извѣстнаго едва не всему Саратову и духовенству всей Саратовской епархіи, бывшаго преподавателя здѣшней семинаріи, а затѣмъ бывшаго законоучителя при Маріинскомъ земледѣльческомъ училищѣ вѣдомства гусударственныхъ имуществъ, Александра Яковл. Леопольдова. Покойный былъ сынъ діакона Саратовской епархіи; по окончаніи въ 1848 г. семинарскаго курса, онъ получилъ высшее богословское образованіе въ Казанской духовной академіи. Въ 1851 году назначенъ былъ онъ преподавателемъ риторики или, по нынѣшнему говоря, словесности и литературы, въ Симбирскую духовную семинарію а въ 1855 г. на тотъ же предметъ перешель въ свою родную, Саратовскую

семинарію. Въ той и другой семинаріи съ преподаваніемъ словесности соединено было преподаваніе латинскаго языка и изъясненіе ветхозавѣтныхъ историческихъ книгъ свящ. писанія; а А. Я. сверхъ того, и въ Симбирскѣ, и въ Саратовѣ обучалъ и татарскому языку. Неоднократно проходивъ должность помощника инспектора, а съ преобразованиемъ семинаріи бывъ избранъ въ члены и педагогическаго, и распорядительнаго собранія правленія семинаріи; — Александръ Яковлевичъ исправлялъ временно и должность инспектора семинаріи (съ 1868 по 1870 г.), когда нѣкоторыя усложненія обстоятельствъ во внутренней жизни заведенія побудили бывшаго тогда инспектора отстраниться отъ исполненія инспекторскихъ обязанностей и просить себя увольненія отъ должности инспектора. Не разъ поручено было покойному Александру Яковлевичу и преподаваніе различныхъ другихъ предметовъ, за отсутствіемъ наличныхъ преподавателей, — вобщемъ это былъ одинъ изъ тѣхъ во всему способныхъ и знающихъ людей, на которыхъ обыкновенно прежде всего обращается общее вниманіе, какъ скоро оказывается, что некому дѣла дѣлать, а оставить дѣла безъ исполненія нельзя. Что онъ былъ одинъ изъ талантливейшихъ преподавателей, — этого никто не станеть оспаривать; это признають *) и тѣ изъ бывшихъ учениковъ его, у которыхъ имя Александра Яковлевича возбуждаетъ не совсѣмъ-то пріятныя, быть можетъ, личныя воспоминанія. Но у Александра Яковлевича, кромѣ оффиціальныхъ — такъ сказать — отношеній къ воспитанникамъ, какъ преподавателя и исполнителя обязанностей инспекторскаго надзора, были и другя, — неоффиціальныя. Воспитанники, обращавшіе на себя его вниманіе своею даровитою натурою, пользовались его частными наставленіями и совѣтами; его слово будило ихъ мысль и мы знаемъ людей, занимающихъ теперь довольно видное положеніе на службѣ церкви по духовно-учебному вѣдомству, которые считали себя обязанными Александру Яковлевичу, какъ преподавателю. Замѣчательно, что знали мы

*) См. некрологъ его въ № 154 „Саратовскаго Листка“.

и неудачниковъ, которые всю жизнь едва держались на волнахъ житейскихъ, то выбываясь наверхъ, то погружаясь съ головой; и эти—тоже недюжинные въ своемъ родѣ—люди также сохраняли объ Александрѣ Яковлевичѣ до конца своей жизни самое теплое воспоминаніе. Въ чемъ заключается секретъ такого вліянія Александра Яковлевича, если не на массу его бывшихъ воспитанниковъ, то на избранныхъ? Намъ думается,—въ томъ же, въ чемъ была причина и достоинствъ, и недостатковъ самаго покойнаго. При своей бесспорно-выдающейся изъ общаго уровня талантливости, покойный прожилъ однакоже какъ-то въ сторонѣ отъ дѣятельности; онъ не перешелъ на гражданскую службу, какъ дѣлаютъ болшею частію тѣ изъ талантливѣйшихъ воспитанниковъ духовныхъ академій, которые не находятъ въ себѣ расположенія надѣяться. Семинарскую службу преподавателя, Александръ Яковлевичъ смѣнилъ на должность законоучителя въ земледѣльческомъ училищѣ; а это уже такое затишье, что на принятіе имъ этой должности можно смотрѣть совсѣмъ почти, какъ на удаленіе на покой. Человѣкъ, полный еще энергіи и жажды дѣятельности, не рѣшился бы промѣнять на такую службу должность преподавателя семинаріи, которая требуетъ покрайней мѣрѣ головной работы (хотя, сказать правду, семинарское преподавательство даетъ меньше выгодъ, чѣмъ законоучительская служба въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, несмотря на то, что эти—шеолы относятся къ низшимъ учебнымъ заведеніямъ). Намъ думается, что у покойнаго Александра Яковлевича выбывала изъ рукъ всякій широко задуманный трудъ, отнимала энергію для общепольной дѣятельности непрерывно работавшая въ немъ критическая мысль... Неумолимый анализъ охлаждалъ всякое увлеченіе; оставалась возможность только одной внутренней работы; это и дѣлало изъ покойнаго и на семинарской службѣ, и въ земледѣльческомъ училищѣ, и въ отставкѣ, на все отзывчиваго, всею интересующагося, все критикующаго, но не принимавшаго лично дѣятельнаго участія общественнаго оратора и философа. Въ душахъ же молодыхъ, наклонныхъ болѣе къ вѣрѣ и въ себя, и въ окружающее, чѣмъ къ сомнѣнію, отсто-

венныя бесѣды Александра Яковлевича способны были, возбуждая недовольство существующимъ и окружающимъ, отвращеніе къ пошлости, вражду къ рутинѣ, возбуждать вмѣстѣ съ тѣмъ и жажду лучшей дѣятельности. Въ то же время практической смелости, какими отличались всѣ сужденія покойнаго, удерживала его слушателей отъ великихъ утопическихъ увлеченій.

Предъ самымъ концемъ жизни, покойному наскучило существованіе безъ внѣшней практической дѣятельности и онъ хотѣлъ свою педагогическую опытность и врожденную способность ко всему, за что онъ не брался, предложить возникающему вновь дѣлу, — дѣлу церковно-приходскихъ школъ епархіи. Но, Богъ судилъ иначе! Ударъ пресѣкъ дни Александра Яковлевича, тогда какъ и прецедентъ долголѣтія его родителей и другихъ родныхъ и регулярность въ образѣ жизни, соблюденіе всѣхъ правилъ гигиены, крайняя осторожность во всемъ и удаленіе отъ всякихъ излишествъ — все, повидимому, обѣщало ему долголѣтнюю жизнь и здоровую старость.

Покойный былъ женатъ на дочери уважаемаго протоіерея гор. Вольска, о. Алексѣя А. Росницкаго, скончавшагося нѣсколько лѣтъ назадъ тому. Своему семейству оставилъ покойный, кромѣ пенсіи, то неотъемлемое наслѣдство, какое заключается для дѣтей въ родовыхъ отличныхъ способностяхъ и доставленномъ родителями образованіи.

Пр—я С—нѣ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Памяти Ивана Сусанина, за Царя, спасителя Вѣры и Царства, животъ свой положившаго въ 7121 (1613) году. Историческое изслѣдованіе преимущественно по неизданнымъ источникамъ. Съ 2-мя литогр. картами — части Костромской губ. и окрестностей села Домнина. В. А. Самаряновъ. Рязань. 1884. Какъ извѣстно, маститый нашъ историкъ, покойный Н. И. Костомаровъ, подвергъ сомнѣнію не только дѣйствительность историческаго факта — избавленія Сусанинымъ царя Михаила Ѳеодоровича отъ поляковъ, но и существованіе самой личности Сусанина. Основаніемъ для этого ему послужило то обстоятельство, что въ 1613 г. поляковъ въ Костромскомъ краѣ будто-бы не было и Михаилъ Ѳеодоровичъ тогда жилъ съ матерью не въ Домнинѣ, а въ Ипатьев-